

А. А. Панков

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Института социальных наук Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова, докторант
Дом. адрес: ул. Ицхака Рабина, 1, кв. 64, Одесса, 65076, Украина
тел. 38 (0482) 64-19-65
e-mail: Pankov_al@mail.ru

**ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ПОМЕСТНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Статья посвящена анализу факторов формирования межконфессионального или экуменического диалога в Украине. Особое внимание уделяется проблеме взаимодействия в современной Украине различных православных юрисдикций. Процесс этого взаимодействия сложен и неоднозначен, во-первых, из-за наличия многочисленных взаимных исторических обид и претензий; во-вторых, вследствие непрекращающихся разговоров на высшем государственном уровне о необходимости создания в Украине единой Поместной Православной Церкви. В настоящий момент ни малейших предпосылок для создания подобной Церкви в Украине нет. Православные юрисдикции в результате формирования глобальной религиозной ситуации опасаются утратить свою идентичность.

Ключевые слова: межконфессиональный или экуменический диалог, глобализация, Поместная Православная Церковь, идентичность.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что процесс становления межконфессионального или экуменического диалога, происходящий в настоящее время, крайне неоднозначен и ограничен. И это происходит несмотря на то, что целый ряд современных социологов религии (таких, например, как Р. Белла и Г. Кюннг) отмечали, что нынешний этап развития религии характеризуется как раз стремлением различных религиозных конфессий к экуменическому диалогу. К этому их подталкивает развитие глобальной религиозной ситуации как ситуации множественности сосуществующих, пересекающихся и взаимопроникающих “религиозных миров”. Впрочем, следует вспомнить о том, что понятие “экуменизм” возникло отнюдь не сегодня. И. К. Языкова пишет о том, что “экуменическими в церковной традиции принято называть первые семь соборов, заложивших богословский фундамент Церкви. Экуменическим же было названо и движение конца XIX — начала XX века за диалог, сотрудничество и сближение христианских вероисповеданий, связанное с именами Натана Седерблома, Висерт-Хуфта, Джона Мота и других лидеров христианства, которые искали единства в духе, вере и любви. Созданный в результате этого движения Всемирный Совет Церквей с центром в Женеве до сих пор играет роль координирующего органа в межконфессиональном диалоге христиан всего мира. Однако хариз-

матический накал, которым отличались первые экуменические съезды, явно ушёл в прошлое” [1, с. 122]. Здесь, по-видимому, уместным будет заметить, что ни одно религиозное движение не может оставаться всегда в ситуации одинаково высокого харизматического накала, и харизме свойственно “рутинизироваться”. Но мы полагаем, что экуменическое движение в настоящее время активизируется или, если воспользоваться терминологией И. К. Языковой, “накаляется”, хотя и в весьма своеобразной, или, как было сказано выше, неоднозначной форме. Цель данной статьи — продемонстрировать эту неоднозначность на примере становления экуменического диалога между различными православными конфессиями в современной Украине.

Итак, экуменический диалог в современном религиозном мире ограничен и неоднозначен. Из четырёх форм межрелигиозного диалога, сформулированных в опубликованном Ватиканом в 1984 году тексте Секретариата по делам нехристианских религий (“диалога жизни”, “диалога дел”, “богословского диалога” и “диалога молитвы”) чаще всего осуществляется “диалог жизни”, то есть отношения верующих, принадлежащих к разным религиозным конфессиям, в повседневной жизни. Как справедливо отмечает Ж.-М. Авелин, “в том, что касается “диалога дел” или “богословского диалога” — их видишь намного реже, не говоря уже о “диалоге молитвы” [2, с. 189]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Межрелигиозный (или, другими словами, экуменический) диалог действительно ограничен. Тем более ограничен и неоднозначен процесс формирования экуменического диалога в современной Украине. Это можно объяснить тем, что взаимоотношения многих религиозных конфессий, функционирующих в современной Украине (в первую очередь речь идет о различных православных конфессиях), отягощены множеством взаимных обид и претензий.

При этом высшая государственная власть не только ничего не делает, чтобы эти обиды и претензии минимизировать, но, напротив, усугубляет их. Так, одной из тем, постоянно педальюемых высшей государственной властью, является тема необходимости создания в Украине единой Поместной Православной Церкви. Решение этой проблемы якобы будет способствовать процессу объединения всей страны в единый целостный организм, то есть “соборности”. Кстати, о соборности. Это понятие имеет церковное происхождение. И первоначально оно означало единство Церкви. Затем российский философ-славянофил Алексей Хомяков придал ему новое значение. “Понятие стало означать духовное единство славянского православного мира. Духовное, но отнюдь не административно-территориальное” [3, с. 111]. Кстати говоря, по мнению некоторых современных богословов, именно трактовка Алексея Хомякова понятия “соборность” “мала позитивный вплив на участь православних в екуменічному русі” [4, с. 158]. Наиболее эффективным это участие проявилось, на наш взгляд, в деятельности представителей российской церковной эмиграции (таких, как, например, о. Георгий Флоровский и других). О мотивах и результатах этой деятельности мы писали [5].

Если же вернуться к вопросу о необходимости создания в современной Украине единой (“соборной”) Поместной Православной Церкви, то необходимо разделить вопросы о праве украинского православия на самостоятельное (автокефальное) существование и о возможности создания подобной Церкви в современных условиях. Как справедливо отмечает О. Зоря, “в соответствии с церковными правилами, церковные границы должны соответствовать государственным” [6, с. 17]. То есть, говоря другими словами, в независимом государстве может быть независимая Церковь. Хотя всё-таки не всегда может и, как будет показано ниже, не всегда должна быть. Но вопрос сейчас в другом — а есть ли реальные предпосылки для возникновения в Украине в ближайшее время единой Поместной Православной Церкви? А также в том, какое же церковное образование следует считать украинской Поместной Православной Церковью?

Прежде всего следует помнить, что обретения какой-либо страной независимости далеко не достаточно для автоматического превращения преобладающей в ней православной церкви в автокефальную. Существует определенный механизм подобного превращения. Каноническая автокефалия может быть дана только с согласия Поместного Собора “Матери-Церкви” (по отношению к Украинской Православной Церкви — это Русская Православная Церковь). Иным путём такие важные определения в православии не решаются. Но проблема не только в этом. В современной Украине сосуществуют несколько православных юрисдикций, каждая из которых претендует на то, чтобы считаться Поместной или же, как минимум, стать основой таковой Церкви. Так, например, еще 1 мая 2005 года председатель Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (далее — УПЦ МП) митрополит Владимир (Сабодан) в интервью “Франс-пресс” заявил о том, что “Поместная Церковь в Украине существует со времени крещения святым равноапостольным великим князем Владимиром Киевской Руси. Церковь называется Поместной по месту осуществления ею спасительной миссии”. Так что существует ли в Украине Поместная Церковь или же ей только предстоит появиться благодаря усилиям высшей государственной власти, является достаточно дискуссионным вопросом. Во всяком случае, по мнению представителей УПЦ МП.

Следует также отметить, что определенные попытки объединить различные православные Церкви в Украине уже предпринимались. Так, ещё в июне 2005 года в украинских средствах массовой информации появилось сообщение о начале объединения Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (далее — УПЦ КП) и Украинской Автокефальной Православной Церкви (далее — УАПЦ). Акт об этом действии тогда подписали в Тернополе протоиереи УПЦ КП о. Анатолий Зинкевич и УАПЦ о. Михаил Левкович, ссылаясь на принятое в феврале того же года УПЦ КП обращение к епископату, духовенству и верующим УПЦ МП, УПЦ КП и УАПЦ с призывом содействовать объединению Православных Церквей Украины.

Разумеется, эта акция носила не более чем символический характер. Но следует напомнить, что и это была уже отнюдь не первая попытка

объединения УПЦ КП и УАПЦ (заметим, что УПЦ МП в подобных акциях участия не принимала). Так, в 1992 году лишённый к тому времени Русской Православной Церковью (далее — РПЦ) всех степеней священства, бывший глава Украинского экзархата Филарет (Денисенко) провёл с управляющим канцелярией находившегося в США Патриарха УАПЦ Мстислава (Скрыпника) митрополитом УАПЦ Антонием (Масендичем) успешные переговоры о создании УПЦ КП. Главой новой церковной структуры заочно стал Патриарх Мстислав. В 1993 году он скончался. В том же году, после заявления Вселенского и Константинопольского Патриархата о неканоничности, то есть незаконности с церковной точки зрения УПЦ КП, митрополит Антоний (Масендич) и ещё четыре епископа УПЦ КП перешли в РПЦ. УПЦ КП на долгие годы оказалась в церковной изоляции. Справедливости ради следует отметить, что в последнее время УПЦ КП удалось преодолеть церковную изоляцию и установить литургийное общение с старостильной частью Болгарской Православной Церкви и старостильной Истинно-Православной Церковью Греции. Кроме того, УПЦ КП находится в литургийном общении с Римо-Католической Церковью. Что, безусловно, является, на наш взгляд, самой сильной стороной деятельности УПЦ КП и одним из немногих проявлений “диалога молитвы” украинского православия с неправославной (или, лучше сказать, инославной) Церковью.

Патриархом УПЦ КП в период её становления был избран Владимир (Романюк), прошедший и десятилетнюю сталинскую каторгу с 1944 по 1954 гг., и семь лет лагерей и три года ссылки в 1970–1980-е годы. Его заместителем стал Филарет (Денисенко). Церковный авторитет патриарха УПЦ КП Владимира (Романюка) был столь велик, что даже Русская Зарубежная Православная Церковь (РЗПЦ), известная своим крайне отрицательным отношением к экуменизму (см. об этом, например, [7; 8]), искала во время его патриаршества возможности для литургийного общения с УПЦ КП. Помимо всего прочего, эти попытки свидетельствуют то, что никакая из религиозных конфессий в современной глобальной религиозной ситуации, которая выше была обозначена как ситуация множественности сосуществующих и взаимопересекающихся “религиозных миров”, не может оставаться абсолютно изолированной от экуменических контактов и даже при крайне отрицательном отношении к этим контактам всё-таки вынуждена делать исключения и идти на уступки. Помимо УПЦ КП времен патриарха Владимира (Романюка) РЗПЦ подобное исключение сделала и для Сербской Православной Церкви, а совсем недавно значительная часть РЗПЦ и вовсе объединилась с РПЦ.

После того, как патриарх УПЦ КП Владимир (Романюк) попытался избавиться от Филарета (Денисенко), он скоропостижно скончался при невыясненных обстоятельствах в 1995 году. Патриархом Киевским и всея Украины стал Филарет (Денисенко), после чего четыре епископа и целый ряд священников вышли из УПЦ КП и восстановили УАПЦ, которую возглавил Патриарх Киевский и всея Украины Димитрий (Ярема), считающийся “отцом” современной украинской автокефалии. УАПЦ, или, точнее, то, что

удалось воссоздать под этим названием, была принята Вселенским и Константинопольским Патриархатом в церковное общение в составе “Украинской Автокефальной Церкви в рассеянии”. В настоящее же время УАПЦ не имеет единой церковной структуры. Есть лишь отдельные части УАПЦ, которые находятся в очень сложных и неопределённых взаимоотношениях друг с другом и с другими православными юрисдикциями в Украине. Таким образом, попытка объединения УПЦ КП и УАПЦ лишь усугубила раскол в украинском православии. А между тем, если уж говорить о необходимости поддержки государством какой-либо православной юрисдикции в современной Украине (хотя речь может идти лишь об информационной поддержке, и не более того), то в такой поддержке нуждается именно УАПЦ. И об этом нам уже приходилось писать: “Якщо і є необхідною державна підтримка якої-небудь частини православ'я, так це — інформаційне забезпечення діяльності УАПЦ, що повинне, як мінімум, продемонструвати її справжню канонічність” [9, с. 54]. Во всяком случае, каноничность УАПЦ менее сомнительна, нежели каноничность УПЦ КП, если, конечно, отправной точкой образования УАПЦ считать не 1921, а 1942 год [см. 10, с. 66]. Хотя, разумеется, нельзя забывать и о тёмных сторонах деятельности УАПЦ, о чем еще будет сказано ниже.

Следует также вспомнить и о том, что в середине 90-х годов прошлого столетия между представителями Украинской Греко-Католической Церкви (“униатами”, далее — УГКЦ) и представителями УПЦ КП велись переговоры по созданию Украинской Национальной Церкви — по принципу Англиканской Церкви. Казалось бы, реальность успеха подобных идей минимальна: юридически УГКЦ подчиняется Римскому епископату, который, разумеется, не может согласиться на создание подобной церковной юрисдикции. Но, учитывая то, что в среде руководства “униатов” очень сильны римско-католические влияния, вполне возможно прогнозировать раскол в УГКЦ и образование “староуниатов” — носителей радикально националистического сознания. Именно “староуниаты” могли бы явиться вместе с “филаретовцами” и частью непримиримых националистов из УАПЦ основателями Украинской Национальной Церкви. Однако реализации подобной стратегии образования Поместной Церкви часть элиты УГКЦ неминуемо будет активно сопротивляться.

В то же время именно эта стратегия образования Поместной Православной Церкви в Украине может найти поддержку в Константинополе. Надежды на признание такой или подобной Церкви Константинополем усилились после того, как появилось заявление представителя всегда тонко чувствующего политическую конъюнктуру Вселенского и Константинопольского Патриархата о признании канонической территории РПЦ в границах 1686 года, то есть без Украины.

Нельзя в связи с этим забывать и о том, что из среды украинских парламентариев с конца 1990-х раздаются призывы к созданию Украинской Поместной Церкви. Президент Виктор Ющенко также много раз выражал уверенность в том, что в ближайшее время в Украине будет создана единая Православная Церковь. Эта Церковь, по утверждению некоторых

экспертов, должна будет получить название “Каноническая Украинская Автокефальная Церковь”. Хотя, конечно, возможны различные варианты. Например, можно вспомнить и о том, что 1 января 1919 года Директорией была создана и ею же управлялась “Украинская Автокефальная Православная Миротворческая Церковь”. Правда, она просуществовала ровно столько же времени, сколько просуществовала и Директория, а о каноничности этой Церкви и говорить не приходится. Хотя мы вовсе не намерены в данной статье оценивать ту или иную православную Церковь, функционирующую в Украине, исключительно с точки зрения каноничности. Для социологии этот вопрос вообще не имеет принципиального значения. Если в эти Церкви объединено хоть какое-то количество людей, если эти Церкви удовлетворяют потребности и реализуют интересы этих людей, то эти Церкви (равно как и другие религиозные организации) имеют полное право на существование, а их прихожане — на достойное и толерантное отношение к себе. Другое дело, что эти Церкви не могут создаваться и управляться светской властью или же при её активном вмешательстве, поскольку при этом возникает вопрос о том, как же быть с принципом светскости государства, продекларированным в Конституции Украины. Именно поэтому Священный Синод УПЦ МП обратился к Президенту Украины с призывом не форсировать создание единой Православной Церкви Украины, поскольку это неизбежно будет сопряжено с всплеском националистических страстей, нарушением и церковного, и политического мира в стране. Каковы бы ни были реальные мотивы подобного обращения, прогноз, данный в нём, вполне реалистичен. Ведь сейчас, согласно данным многих социологических исследований, большинство сторонников Московской Патриархии активно выступают против не только автокефалии, но и автономии. Выступают за единство с Московской Патриархией на основе принципа “соборности Церкви”. Причём эти выступления часто раздаются снизу — из среды рядовых священников и мирян. Однако, как справедливо отмечает римо-католический кардинал, архиепископ Вестминстерский Кормак Мерфи-О’Коннор, “останній ворог екуменізму — це нетерплячість. Здолати її, мабуть, найважче, оскільки обережні та зважені кроки вперед, здається, суперечать натхненному екуменічному прориву, якого багато хто так прагне” [11, с. 163]. Процесс объединения различных частей и юрисдикций украинского православия в единую Украинскую Поместную или Национальную или Каноническую Автокефальную Церковь (не важно, как именно эта Церковь должна называться) и должен стать самым настоящим “экуменическим прорывом”, но он не может не быть чрезвычайно сложным и достаточно долгим и эволюционным. Особенно учитывая, как уже было сказано выше, наличие у функционирующих в Украине религиозных конфессий множества взаимных обид и претензий.

Каждая из этих конфессий выражает эти обиды и претензии “с опасными воспоминаниями” о жертвах истории” [2, с. 192]. Но как пишет только что процитированный Ж.-М. Авелин, “Я верю, что когда межрелигиозный диалог воспринимает уязвимость другого и позволяет мне признать собственную уязвимость, он действительно в большой мере становится шансом

преодолеть вражду. Он освобождает возможности для примирения, вызывает у жизни силу прощения” [Там же].

Одной из таких “жертв истории” являются, на наш взгляд, украинские греко-католики. Следует отметить, что украинские греко-католики, жившие на территории Российской империи, к концу XIX века практически исчезли, слившись с православными. В основном движение к воссоединению с православием было добровольным, без принуждения имперской администрацией. Только на территории Австро-Венгрии, в состав которой входили ряд областей Украины, сохранилась структура УГКЦ. В годы нарастающего противостояния России и Австро-Венгрии УГКЦ фактически превратилась в националистическую антироссийскую структуру. Свидетельством лояльности УГКЦ к Австрии может служить докладная записка греко-католического митрополита Андрея (Шептицкого), посланная им в 1915 году австрийскому правительству, в которой, в частности, говорилось, что после оккупации Украины австрийцам и немцам следует ввести в Украине австрийские гражданские законы, создать украинскую Церковь, наибольшим образом отделённую от РПЦ. Украинская Церковь должна будет молиться не за русского царя, а за австрийского императора, московские святые будут вычёркиваться из календаря. Церковные декреты должны будут выдаваться от имени митрополита Галицкого и всея Украины. В результате удачного наступления на австро-венгерском фронте во время первой мировой войны Галиция перешла под контроль России. Митрополит Андрей (Шептицкий) был арестован и сослан. Началось обращение греко-католиков в православие. Но контрнаступление австрийцев прервало этот процесс. В феврале 1917 года Временное правительство полностью упразднило законодательные ограничения на деятельность всех конфессий. Но после прихода к власти большевиков было фактически прекращено развитие католицизма и греко-католицизма (равно как и других религиозных конфессий). А после присоединения западных областей к СССР (кроме Холмской и Привисленской областей, оставшихся в составе Польши) в 1946 году УГКЦ была и вовсе “самораспущена”. 15 марта 1945 года председатель совета по делам РПЦ при СНК СССР полковник НКВД Карпов подал Сталину докладную записку, в которой предложил план ликвидации УГКЦ. Все иерархи-униаты были арестованы и получили предложение перейти под юрисдикцию Московской Патриархии в обмен на освобождение. 8–10 марта 1946 года во Львове был созван собор, отменивший унию с Римом. Эта акция органов госбезопасности преследовала далеко идущие цели — не только “самораспущение” УГКЦ, но и ослабление РПЦ. Ведь вся ответственность легла на РПЦ, не осмелившуюся выступить против беззакония. А ореол мученичества, возникший вокруг греко-католиков, только укрепил их позиции. УГКЦ стала символом и лидером украинского церковного национализма. Тем не менее УГКЦ имеет полное право на толерантное отношение к себе (как и любая иная религиозная конфессия, функционирующая в Украине). Что представители другой крупнейшей украинской конфессии — УПЦ МП, увы, демонстрируют далеко не всегда.

Достаточно вспомнить о том, как представители УПЦ МП отреагировали на перенос в августе 2005 года епископального управления УГКЦ из Львова в Киев. Перед недостроенным кафедральным собором УГКЦ в Киеве были проведены акции протеста. Во время этих акций немало говорилось о необходимости противодействия “католической экспансии”. Однако каким образом согласуются требования остановить “католическую экспансию” с современной глобальной религиозной ситуацией? К тому же греко-католицизм является вполне традиционным сегментом украинской истории и культуры. Ещё князь Даниил Галицкий, презентуемый в настоящее время как один из творцов украинской государственности, на некоторое время, исходя (говоря современным языком) из геополитических интересов своего княжества, заключил с Ватиканом церковную унию. И даже принял в связи с этим титул короля. Знаменитый митрополит Пётр Могила, изображаемый сейчас как поборник украинского православия, вёл переговоры с папским престолом по поводу всё той же унии. И будь она заключена, история Украины пошла бы совсем другим путём. Так что о какой “католической экспансии” в Украине можно говорить в настоящее время? Проникновение католицизма в Украину, в украинскую историю и культуру уже давно состоялось и является фактом, с которым нельзя не считаться.

Справедливости ради следует сказать, что у нетолерантности представителей УПЦ МП по отношению к иным религиозным конфессиям есть свои причины. Если вернуться, например, к вопросу об истории УАПЦ, достаточно вспомнить о том, что эта история тесно связана с историей германской оккупации Украины и партизанского движения Украинской повстанческой армии (УПА). В восточных и центральных областях Украины немцами насильно изгонялись епископы и священники Украинской Автономной Православной Церкви (образованной на основании томоса патриарха Тихона (Белявина) об автономии тех частей РПЦ, связь с которыми прервана или не может поддерживаться) и ключи от храмов передавались епископам и священникам УАПЦ. Одновременно бойцы УПА вели прямую кампанию террора против неудобных им епископов и священников, убив 7 мая 1943 года и главу Украинской Автономной Православной Церкви митрополита Алексия (Громадского). По версии Д. Табачника, это убийство было совершено бойцами УПА по заданию гестапо [12, с. А7]. Бойцами УПА, кстати говоря, убит был далеко не один священнослужитель Украинской Автономной Православной Церкви. Священнослужители УАПЦ часто были военными капелланами в отрядах УПА. Равно как и священнослужители УГКЦ. Последние, кстати говоря, приняли достаточно активное участие в создании дивизии СС “Галичина” и трое из них стали военными капелланами той дивизии с разрешения митрополита Андрея (Шептицкого). Однако, как справедливо отмечает А. Ляпчев, греко-католический митрополит мог и не разрешить своим священнослужителям быть военными капелланами, но “что бы это изменило?” [13, с. F5]. С этой точки зрения уязвимы, кстати говоря, отнюдь не только УАПЦ и УГКЦ. РЗПЦ, например, сотрудничала во время второй мировой войны с Русской

освободительной армией, которая в свою очередь была создана гитлеровцами. Можно вспомнить и о том, что Н. А. Полторацкий, который “занимал видное место в среде русской церковной эмиграции” [14, с. 290] и мог многое свидетельствовать, пересказывал слова знаменитой монахини матери Марии (Скобцевой): “Мы стоим теперь на юру, буря и ветер дуют со всех сторон”. Эти слова мать Мария произнесла в связи с тем, что Советский Союз заключил Пакт о ненападении с фашистской Германией, и приходы Русской Православной Церкви, сохранявшие в эмиграции верность Московской Патриархии, по ее мнению, оказывались в случае начала второй мировой войны в более выгодном положении, нежели приходы, входившие в юрисдикцию Вселенского и Константинопольского Патриархата, которой подчинялась и мать Мария.

Тему взаимных обид и претензий различных православных юрисдикций, действующих в Украине, можно было бы продолжить, но ясно, что до “экуменического прорыва” в нашей стране еще очень и очень далеко. Тем более, как отмечает В. И. Гараджа, наиболее острый межконфессиональный конфликт возникает “на основе комплекса самоидентификации посредством размежевания с “чужим”, но близким “чужим” [15, с. 192]. А, например, С. И. Самыгин, В. Н. Нечипуренко и И. Н. Полонская полагают, что “готовность к общению и даже сотрудничеству с иными религиями характеризует современное христианство” [16, с. 529]. Но вот внутри христианства и особенно, как мы пытались показать в данной статье, украинского православия такой готовности не наблюдается.

Следует также отметить, что стремление государственных структур к объединению различных православных юрисдикций, действующих в Украине, в единую Поместную Православную Церковь является результатом не только полного непонимания сложившейся религиозной ситуации, но и абсолютное игнорирование уроков истории, которая продемонстрировала, что во всех государствах, где автокефальные православные Церкви были государственными или фактически государственными, с неизбежностью воспроизводилась церковно-имперская идеология с идеями “нового Рима” и “нового Израиля” в центре, с теорией странствующего истинного царства, что приводило в этих отнюдь не моноконфессиональных и не мононациональных странах (каковой, кстати, является и Украина) к межконфессиональным и национальным конфликтам, а религиозную ситуацию в целом — порой к тяжелейшим кризисам.

К сожалению, верховная государственная власть в своё время лишь продекларировала принципы светскости государства и равенства всех религий (являющихся по сути европейскими принципами вероисповедной государственной политики) в статьях Конституции Украины, но в действительности приоритет отдавался и отдаётся в настоящее время православию, обладающему фактически статусом государственной религии. Подобная форма государственно-церковных взаимоотношений, во-первых, нарушает продекларированные в Конституции Украины принципы; во-вторых, не соотносится с современной религиозной ситуацией; в-третьих, плохо согласуется с провозглашенным стремлением Украины к европейским стан-

дартам во всех сферах общественной жизни. При этом поддержка властью православия носит “маятниковый” характер. Сначала государственной поддержкой пользовалась УПЦ КП. В этой поддержке весьма преуспел Президент Леонид Кравчук. Затем такой поддержкой пользовалась УПЦ МП. В настоящее время мы вновь наблюдаем усиление позиций УПЦ КП и, в меньшей степени, УАПЦ. Последняя, как было сказано выше, сейчас не имеет единой церковной структуры и представлена лишь отдельными частями. И всё более очевидно, что именно УПЦ КП предполагается в качестве основы будущей единой Поместной Церкви.

На наш взгляд, властным структурам, дабы избежать постоянно двусмысленных отношений с различными православными юрисдикциями, действующими в современной Украине, необходимо выработать равноудалённые (и, одновременно, равноправные) с ними взаимоотношения. Тем более, что подобные примеры мы можем наблюдать в ряде европейских стран, где абсолютно спокойно сосуществуют различные православные юрисдикции (в Греции таковых четыре, в Болгарии и Румынии — по две), и никто не стремится загнать их в единую Церковь.

И, думается, хватит уже педалировать тему канонической связи УПЦ МП с Московским Патриархатом, самым примитивным проявлением которой является утверждение — “УПЦ МП — Церковь другого государства”. А если бы, УПЦ была канонически связана, скажем, с Константинопольским Патриархатом, в среде радетелей за чистоту украинского православия было такое же волнение по поводу “Церкви другого государства”, действующей в пределах “соборной” Украины? А то, что юридически УГКЦ полностью подчиняется Римскому епископату, этих радетелей не смущает? А то, что административные центры многих других религиозных конфессий, действующих в Украине (Римо-Католической, протестантских, мусульманских, иудейских и так далее) также находятся за рубежом, их не волнует? Или их заботит только каноническая связь с Москвой? Может быть, пора уже если не религиоведам, то социологам религии объяснить, что из всех конфессий, действующих сейчас в Украине, УПЦ МП является наиболее самостоятельной. Эту самостоятельность она приобрела (или, точнее говоря, начала приобретать) ещё в 1991 году, когда её предстоятелем был митрополит Филарет (Денисенко), нынешний Патриарх Киевский и всея Украины от УПЦ КП. И хотя мы сами в своё время писали о том, что УПЦ МП “организационно зависима от РПЦ, которая, в свою очередь, тесно связана с государственными структурами Российской Федерации, а также с политическими организациями националистического толка. Существует специальный Синодальный отдел по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами” [17, с. 169], в настоящее время УПЦ МП становится все более независимой от РПЦ. В связи с этим достаточно привести следующий пример. Выше было сказано о том, что совсем недавно значительная часть РЗПЦ объединилась с РПЦ. При этом, согласно “Акту о каноническом общении” от 17 мая 2007 года, РЗПЦ сохранила автономию. Однако реальный контроль над ее кадровой политикой передан Синоду РПЦ. Новый предстоятель РЗПЦ “сможет занять кафедру

первоиерарха только после того, как его избрание утвердят патриарх и Синод в Москве. Скажем, у автономной структуры Московской патриархии в Украине — Украинской Православной Церкви — таких ограничений нет” [18, с. 37].

В заключение следует отметить, что процесс становления экуменического диалога в Украине сложен и неоднозначен, во-первых, из-за наличия многочисленных взаимных исторических обид и претензий различных религиозных конфессий, функционирующих в Украине, а во-вторых, вследствие непрекращающихся разговоров на высшем государственном уровне о необходимости создания в Украине единой Поместной Православной Церкви. В настоящий момент ни малейших предпосылок для создания подобной Церкви в Украине нет. Они отсутствуют как раз в силу вышеупомянутых взаимных исторических обид и претензий различных православных юрисдикций. Точно так же, как и все другие религиозные конфессии, православные юрисдикции в результате формирования глобальной религиозной ситуации опасаются утратить свою идентичность. Это опасение усиливается и перспективой создания в Украине единой Поместной Православной Церкви. Можно вполне обоснованно говорить о том, что создания подобной Церкви не хотят ни представители религиозной элиты украинских православных церквей, ни большинство прихожан этих церквей. Нельзя не отметить и то, что эта проблема взаимодействия различных православных церковных юрисдикций и иных религиозных конфессий усугубляется в нашей стране политическими событиями, в которых различные конфессии принимают самое непосредственное участие, весьма чётко и недвусмысленно обозначая свои политические пристрастия.

Литература

1. Языкова И. К. Экуменическое движение. Второе дыхание // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. II. — М.: Издательская группа “Прогресс-Культура”, 1993. — С. 122–132.
2. Авелин Ж.-М. Религиозный плюрализм в современных западных обществах // Страницы. — М.: Библийско-богословский Институт имени св. апостола Андрея, 2007. — Том 12. Выпуск 2. — С. 181–193.
3. Панков А. А. Федерализация Украины как реализация принципа соборности // Тези доповідей XXII науково-практичної конференції “Соціально-політична взаємодія в сучасній Україні: вибір шляхів державного розвитку”, Одеса, 20 квітня 2007 року. — Одеса, 2007. — С. 111–113.
4. Клінгер Ю. Православ'я і екуменізм // Сопричастя. Міжнародний богословський часопис. — Ужгород; Львів; Budapest: Фонд Комуніо, Монастир Монахів Студійського Уставу; Видавничий відділ “Свічадо”, 1996. — № 3–4. Єдність Церкви. Екуменізм. — С. 154–168.
5. Панков А. А. Экуменическая деятельность о. Георгия Флоровского в контексте социального наследия русской религиозно-философской традиции // Вісник Одеського національного університету. — Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2007. — Том 12. Вип. 14. Соціологія і політичні науки. — С. 14–21.
6. Зоря О. Битва титанів: Москва і Константинополь спорят за первенство // Зеркало неділи. — 2007. — 17 ноябрь. — № 44(673). — С. 17.
7. Виталий (Устинов), архиепископ. Экуменизм. Доклад Архиерейскому Собору в 1967 г. в Махопаке, США, — Монреаль: без изд., 1989. — 18 с.

8. Перепелкіна Л. Екуменізм — путь, ведуший в погібель. — СПб.: Издательско-полиграфический центр “Реверс”, 1992. — 87 с.
9. Панков О. А. Українська автокефальна православна церква в контексті пошуків української церковної ідентичності // II Міжнародна науково-практична конференція “Українська національна ідея: минуле, сучасне, майбутнє” (УНІ-II) (Одеса, 2004): Тези доповідей. — Одеса: Астропринт, 2004. — С. 54.
10. Панков А. А. Межконфессиональные конфликты в современной Украине и их социальная природа // Перспективи. — Одеса, 2005. — № 3(31). — С. 64–69.
11. Кормак Мерфі-О’Коннор, кардинал, архієпископ Вестмінстерський. Конкретні кроки екуменізму життя // У пошуках єдності християн. Збірник. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2008. — С. 157–165.
12. Табачник Д. Унифікація духа. Еволюція тоталітаризма: от “Аненэрбе” до Триполья // 2000. — 2008. — 25 апреля — 2 мая. — № 17(412). — С. А1, А7.
13. Ляпчев А. Андрей Шептицкий заслуживает справедливости // 2000. — 2008. — 11 апреля — 17 апреля. — № 15(410). — С. F4–F5.
14. Полторацкая А. Н., Панков А. А. Николай Полторацкий — свидетель веры XX века. Жизнь в эмиграции и после возвращения на Родину // Страницы. — М.: Библийско-богословский Институт имени св. апостола Андрея, 2007. — Том 12. Выпуск 2. — С. 290–301.
15. Гараджа В. И. Социология религии. — М.: ИНФА-М, 2005. — 348 с.
16. Самыгин С. И., Нечипуренко В. Н., Полонская И. Н. Религиоведение: социология и психология религии. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 672 с.
17. Панков А. А. Приоритетные направления государственной политики Украины в сфере религиозной жизни // Сторінки історії: Збірник наукових праць. — К.: Видавництво “Політехніка”, 2004. — Вип. 19. — С. 162–170.
18. Солдатов А. Ветка от Лавра // Огонек. — 2008. — 21–27 апреля. — № 17(5044). — С. 37.

О. А. Панков

кафедра соціології Інституту соціальних наук,
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
Французький бульвар, 24/26, к. 40, Одеса, 65058, Україна

ЕКУМЕНІЧНИЙ ДІАЛОГ В УКРАЇНІ В КОНТЕКСТІ ПЕРСПЕКТИВИ СТВОРЕННЯ ПОМІСНОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ

Резюме

Стаття присвячена аналізу чинників формування міжконфесійного або екуменічного діалогу в Україні. Особлива увага приділяється проблемі взаємодії в сучасній Україні різних православних юрисдикцій. Процес цієї взаємодії складний і неоднозначний, по-перше, через наявність численних взаємних історичних образ і претензій; по-друге, унаслідок безперервних розмов на вищому державному рівні про необхідність створення в Україні єдиної Помісної Православної Церкви. Зараз немає передумов для створення подібної Церкви в Україні. Православні юрисдикції в результаті формування глобальної релігійної ситуації побоюються втратити свою ідентичність.

Ключові слова: міжконфесійний чи екуменічний діалог, глобалізація, Помісна Православна Церква, ідентичність.

A. A. Pankov

Odessa National I. I. Mechnikov University,
Institute of Social Sciences, Department of Sociology
24/26 French Boulevard, r. 40, Odessa, 65058, Ukraine

**ECUMENICAL DIALOG IN UKRAINE IN THE PROSPECT
OF CREATING THE AUTONOMOUS ORTHODOX
CHURCH**

Summary

The matter of the article concerns the inter-confessional or ecumenical dialog in Ukraine. The high emphasis is placed on the problem of different Orthodox jurisdictions co-operation in modern Ukraine. The process of this co-operation is difficult and ambiguous for some reasons. For one thing, there are numerous mutual historical offenses and claims of different Orthodox jurisdictions in Ukraine. Secondly, Ukrainian authorities talk about the necessity of creating the United Autonomous Orthodox Church. Presently there are no pre-conditions for creation of such Church in Ukraine. The Orthodox jurisdictions are afraid of losing the identity as a result of forming the global religious situation.

Ключевые слова: inter-confessional or ecumenical dialog, globalization, Autonomous Orthodox Church, identity.